

доказываем, что традиции романтиков прочно закреплены в творчестве В. Набокова. Такие романтические каноны, как романтическая ирония, искусство как абсолют, романтический герой – художник, мотивы одиночества, зеркальности, двойничества смертной казни, характерны для многих произведений В. В. Набокова. В дальнейшем планируется сделать объектом исследования также ряд рассказов Набокова и такие русские романы, как «Подвиг» и «Дар».

Библиографические ссылки

1. Вулис А. З. Литературные зеркала / Вулис А. З. – М. : Советский писатель, 1991. – 480 с.
2. Гюго В. Последний день перед казнью / В. Гюго // Гюго В. Собр. соч. В 12 т. – М. : Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1915. – Т. 7. – С. 211–315.
3. Дарк О. Комментарии / О. Дарк // Набоков В. В. Собр. соч. В 4 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – С. 407–425.
4. Есаулов И. Поэтика литературы русского зарубежья (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции) / И. Есаулов // Есаулов И. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – С. 238–267
5. Набоков В. В. Лолита. Ада, или Эротиада / В. В. Набоков. – М. : АСТ МОСКВА, 2005. – 870 с.
6. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Набоков В. В. ; сост. Н. Артеменко-Толстой ; предисл. А. Долинина ; прим. М. Маликовой. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. 2. – 784 с.
7. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Набоков В. В. ; сост. Н. Артеменко-Толстой ; предисл. А. Долинина ; прим. М. Маликовой. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. 3. – 848 с.
8. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Набоков В. В. ; сост. Н. Артеменко-Толстой ; предисл. А. Долинина ; прим. М. Маликовой. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. 4. – 784 с.
9. Рымарь Н. Романтизм / Н. Рымарь // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий ; гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. — М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 220–222.
10. Севастеенко А. В. Русский Романтизм XIX – XX веков: Зеркальный Нарциссизм, или Фантастика Влюбленных Двойников / Севастеенко А. В. // София: Общество ревнителеев русской философии. – Екатеринбург, 2001. – Доступ с : <http://www.eunnet.net/sofia/02-3-2000/text/0216.htm>.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 882

Ю. В. Попкова

г. Луганск

МИР ВЕЩЕЙ В РАССКАЗАХ Н. А. ТЭФФИ

Розглядаються оповідання Н. О. Тєфї, у яких письменниця майстерно використовує художню деталь не тільки для створення комічних ситуацій, але також і для влучної характеристики персонажів.

Ключові слова: художня деталь, світ речей, гумористичний сюжет.

Рассматриваются рассказы Н. А. Тэффи, в которых писательница мастерски использует художественную деталь не только для создания комических ситуаций, но также и для меткой характеристики персонажей.

Ключевые слова: художественная деталь, мир вещей, юмористический сюжет.

In the article we are examining the short stories of Nadezhda Alexandrovna Teffi, in which the writer skillfully uses the artistic detail not only for the creation of comic situations, but also for the neat description of the characters.

Key-words: artistic detail, world of things, humorous plot.

Тэффи (псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, в замужестве – Бучинской) – блистательная юмористка Серебряного века, продолжатель лучших традиций русской смеховой литературы. В анкете для Ф. Ф. Фидлера писательница призналась, что ее первое произведение было написано под влиянием А. П. Чехова [2, с. 203]. И действительно, в жанре юмористического рассказа у обоих писателей есть много общего: обращение к теме «маленького человека», психологизм повествования, сочувствие своим героям, а также «стреляющая» деталь. Обратимся к «Словарю литературоведческих терминов» и выясним, что **«ДЕТАЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ** (франц. detail – подробность, мелочь, частность) – одно из средств создания *образа* (см. *ОБРАЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ*): выделенный, акцентированный автором элемент художественного образа, несущий значительную смысловую и эмоциональную нагрузку в произведении» [1, с. 47]. Конечно, мастерство художника зависит от того, насколько значима деталь с художественной точки зрения, не является ли она назойливо избыточной. Например, А. П. Чехов всегда творчески подходил к художественной детали, стараясь, чтобы она не переросла в подробность, ведущую к излишней описательности. Цель статьи – проанализировать те рассказы юмористки, в которых важную роль для понимания истинной сущности людей играют вещи. Для анализа «вещных» деталей в прозе Н. А. Тэффи возьмем рассказы «Жизнь и воротник» и «Брошечка», в которых именно женские атрибуты красоты, ставшие лейтмотивами текста, сыграли роковую роль в жизни героинь. Надежда Александровна не скрывает, что воротник и брошечка являются «главными героями» произведений, названия которых фигурируют даже в заглавиях рассказов. Зачастую героини таких рассказов предстают перед читателями не слишком «умными» дамочками, жизнью которых управляют вещи. Вот как по этому поводу высказалась писательница в рассказе «Жизнь и воротник»: «Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами. Иногда самая невзрачная вещица вотрется в жизнь, закрутит ее и перевернет всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти» [5, с. 129]. В рассказе покупка крахмального дамского воротника с продернутой в него желтой ленточкой абсолютно изменила образ жизни главной героини Олечки Розовой, которая «три года была честной женой честного человека. Характер имела тихий, застенчивый, на глаза не лезла, мужа любила преданно, довольствовалась скромной жизнью» [5, с. 129]. По сюжету произведения (после злополучной покупки) Олечка Розова перестала управлять собственной жизнью: превратилась в развратную даму, проводила жизнь в вихре сомнительных удовольствий и бесцельно тратила семейный бюджет. Для нее воротник стал чем-то вроде внутреннего голоса. Он все время заставлял героиню совершать поступки, на которые ранее она была неспособна. Однажды Олечка вернулась домой только под утро. И тут произошло следующее: «Двери ей открыл сам честный муж.

Он был бледен и держал в руках ломбардные квитанции, вытасщенные из Олечкиного стола.

– Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

Вся душа у нее дрожала, но воротник ловко вел свою линию.

– Где была? Со студентом болталась!

Честный муж пошатнулся.

– Оля! Олечка! Что с тобой! Скажи, зачем ты закладывала вещи? Зачем занимала у Сатовых и у Яниных? Куда ты девала деньги?

– Деньги? Профукала!

И, заложив руки в карманы, она громко свистнула, чего прежде никогда не умела. Да и знала ли она это дурацкое слово – “профукала”? Она ли это сказала?

Честный муж бросил ее и перевелся в другой город» [5, с. 132]. И неизвестно чем бы закончилась вся эта история для героини, если бы в один прекрасный день воротник не потерялся в стирке. Но произошло это, к сожалению, только после того, как Олечку бросил муж. После чего все в ее жизни стало на свои места: «Кроткая Олечка служит в банке.

Она так скромна, что краснеет даже при слове “омнибус”, потому что оно похоже на “обнимусь”» [5, с. 132].

Вот так приобретение воротника в корне изменило жизнь главной героини. Первоначально житейские прикрасы в одежде представлены неким противовесом обыденной жизни, а затем вещь у Тэффи начинает подчинять себе человека, меняя его внешне и внутренне. Детализация предметного мира становится не украшением, а сутью образа. Помимо юмористического сюжета, основанного на широком использовании образов вещного мира, для создания комического эффекта Тэффи употребляет слова с ярко выраженной экспрессивной окраской («дурацкое»), просторечные выражения («профукала»), не свойственные литературной речи. К тому же, автор в лучших смеховых традициях использует «говорящую» фамилию *Розова*, то есть относящаяся к розовому цвету или к цветку, являющимся символом красоты, любви, нежности. Но у Олечки Розовой, как и у розы, есть шипы, которыми она может колотиться...

Мир вещей используется писательницей (и довольно успешно) неоднократно. В рассказе «Брошечка» именно недорогое женское украшение сыграло роковую роль в жизни всех персонажей. Основным приемом для создания юмористического эффекта служит комизм ситуации и сюжетная деталь. Супруги Шариковы поссорились из-за того, что жена узнала об адюльтере мужа с актрисой Крутомирской. Спустя несколько дней Шариков нашел на полу возле дивана маленькую брошечку с красноватым камешком. Он решил, что эта вещь принадлежит его пассии, и решил отнести ей эту брошку. Увидев «подарок», актриса оскорбилась: «Я вас не понимаю! Это, очевидно, шутка! Подарите эту дрянь вашей горничной. Я не ношу серебряной дряни с фальшивым стеклом.

– С фальшивым стекло-ом? – удивился Шариков. – Да ведь это же ваша брошка! И разве бывает фальшивое стекло?

Крутомирская заплакала и одновременно затопала ногами – из двух ролей зараз» [5, с. 188]. После чего она выгнала Шарикова вон. Здесь сказало умение Н. А. Тэффи: через действия персонажа вывести характерный тип. Неспособная на истинные чувства, даже в жизни актриса продолжает играть различные роли, иногда

путая их или совмещаая. Естественно, Шариков решил помириться с супругой: «Милая! Я знаю, что святая, а я подлец. Но нужно же понимать человеческую душу!

– Ладно! – сказала жена. – Я уж четыре раза понимала человеческую душу! Да-с! В сентябре понимала, когда с бонной снюхались, и у Поповых на даче понимала, и в прошлом году, когда Маруськино письмо нашли. Нечего, нечего! И из-за Анны Петровны тоже понимала. Ну, а теперь баста!» [5, с. 188]. Не веря словам мужа, Шарикова предъявила ему вещественное доказательство его измены – злополучную брошку, найденную в его же сюртуке. Далее следует водоворот событий, которые разворачиваются так быстро, захватывая героев, что они уже не успевают ими управлять. На следующий день супруги заговорили о разводе: «Я все понимаю, – сказал он. – Вы хотите развода. Я согласен.

– Я тоже согласна! – неожиданно обрадовалась жена.

Шариков удивился:

– Вы любите другого?

– Может быть.

Шариков засопел носом.

– Он на вас никогда не женится.

– Нет, женится!

– Хотел бы я видеть... Ха-ха!

– Во всяком случае, вас это не касается.

Шариков вспылил:

– По-озвольте! Муж моей жены меня не касается. Нет, каково? А?» [5, с. 188].

Супруг захотел узнать, кто заходил в гости к Шариковой в пятницу вечером. Покраснев, супруга созналась, что это был Чибисов, которому могла принадлежать неизвестно откуда появившаяся брошка. Шарикова отправила брошку Чибисову с письмом, в котором написала о том, что ей все известно... Чибисов воспользовался случаем, чтобы откланяться. А непонятную брошку отдал швейцарихе. Прочитав письмо своего бывшего возлюбленного, барыня позвала горничную. Та была чем-то расстроена и заплакана. Оказалось, что эта брошка была подарком жениха Феньки, а из-за ее утраты он бросил девушку.

В конце произведения Тэффи приводит откровенные мысли госпожи Шариковой: «Так хорошо жили, все было шито-крыто, и жизнь была полна. И вот свалилась нам на голову эта окаянная брошка и точно ключом все открыла. Теперь ни мужа, ни Чибисова. И Феньку жених бросил. И зачем это все? Как все это опять закрыть? Как быть?» [5, с. 191]. Таким образом, крошечный предмет женского туалета по иронии судьбы вскрыл все семейные тайны супругов и расставил все по местам (т. е. обнаружил все скелеты в шкафу семьи Шариковых). Однако писательница делает рабами предметов не только женщин.

«Мужским» вариантом развития событий, где роковую роль сыграла обычная вещица, является рассказ «Трубка». В начале произведения Тэффи пишет: «Никогда мы не знаем, что именно может повернуть нашу жизнь, скривить ее линию. Это нам знать не дано» [3, с. 242]. Далее следует история о простом корректоре Василии Васильевиче Зобове, который «был плюгав, с черненькими обсосанными усиками и сношенным в жгут ситцевым воротничком» [3, с. 243]. Жил он, как многие люди его социального положения, традиционно: «вечно вертелся в редакции, в типографии,

перехватывал займы у кого попало и вечно что-то комбинировал» [3, с. 243], иногда дрался со своей сожительницей Сусанной, которая его почему-то ревновала. Вот так и текла бы жизнь Василия Васильевича, но однажды в витрине табачного магазина Зобов увидел трубку «старого моряка английских романов» [3, с. 244]. После приобретения трубки Зобов внезапно стал джентльменом, кардинально изменил свою внешность (он сбрил усы) и даже поведение: «В редакции, уже наголо бритый, сидел тихо, иронически, “по-американски”, опустив углы рта, попыхивая трубочкой. Когда при нем поругались два журналиста, он вдруг строго вытянул руку и сказал назидательно:

– Тсс! Не забудьте, что прежде всего надо быть джентльменами.

– Что-о? – удивились журналисты. – Что он так брешет?

Зобов передвинул свою трубочку на другую сторону, перекинул ногу на ногу, заложил пальцы в проймы жилетки. Спокойствие и невозмутимость.

В этот день он у товарищей денег не занимал» [3, с. 245–246]. Итак, мы видим, что Зобов полностью преобразился. Как и в рассказах «Жизнь и воротник» (Олечку Розову бросил муж) и «Брошечка» (супруги Шариковы развелись, а горничную бросил жених) история закончилась печально: «Возвращаясь с работы, потерял трубку. Долго искал ее под дождем. Промок, продрог, схватил воспаление легких» [3, с. 248]. А через три дня умер.

Для Тэффи важна каждая художественная деталь. Она не скрывает, что люди становятся зависимыми от своих вещей, у которых появляется свой «голос», раздающий команды и помыкающий ими. Как воротник Олечки Розовой «требовал» новую кофточку, затем «круглую юбку с глубокими складками» [5, с. 130], новых башмаков и т. д., так и трубка способствовала изменению гардероба героя: «Он стал носить высокие крахмальные воротнички и крахмальные манжеты, столь огромные, что они влезали в рукава только самым краешком. Он брился, мылся и все время либо благодарил, либо извинялся. И все сухо, холодно, с достоинством» [3, с. 246]. К сожалению, такая зависимость от предметов не может принести счастья их обладателям. Мораль рассмотренных рассказов такова: нужно всегда оставаться тем, кем ты есть, и не впадать в крайности, иначе это может плохо закончиться.

Но иногда мир вещей превращается в портретную характеристику. Например, в рассказе «Выслужился» занимательно используется описание внешности тетки главного персонажа Лешки («мальчика для комнатных услуг»), разговаривающей с кухаркой. Оно выполнено через восприятие ее образа племянником. В данном случае передается субъективное впечатление от увиденного. Сначала Лешка воспринимает тетку как какое-то рогатое чудовище: «На стене колебался большой темный круг, увенчанный двумя рогами. Лешка догадался, что этот круг не что иное, как тень от головы его тетки с торчащими вверх концами платка» [5, с. 17]. И далее: «Переговоры носили характер неприятно-тревожный, тетка сильно волновалась, и рога на стене круто поднимались и опускались, словно какой-то невидимый зверь бодал своих невидимых противников» [5, с. 17]. Выходит, концы платка могут «испытывать» те же чувства, что и тетка: «Рога на стене волнуются, и тетка стонет, как золова арфа» [5, с. 17] и «закрутила тетка рогами» [5, с. 18]. Этот прием «очеловечивания» предметов женского гардероба Тэффи с успехом применяет и в других произведениях. Вещи, способные «испытывать те же

чувства», что и их обладательницы, вызывают комический эффект и говорят многое об их носителях. Писательница по-чеховски великолепно использует художественную деталь – мир вещей, характеризующий поведение, сознание и раздумья человека.

Развивая в своем творчестве тему двуличия людей, Тэффи пишет рассказ «Два естества». Обратимся к его фабуле. Действие происходит в лазарете. Героиня произведения – главная патронесса Анна Павловна – с ужасом узнает о том, что среди новых раненых есть еврей. Но есть и хорошая новость: секретарь сообщает, что также им прислали георгиевского кавалера, которого Анна Павловна решает лично устроить как положено. Вдруг патронесса узнает, что долгожданного героя зовут Иосель Шнипер, то есть он и является евреем. Тотчас же меняется отношение к георгиевскому кавалеру:

«– Иосель Шкипер... Иосель... вероисповедания иудейского. Господа, что же это? Что за ерунда? Как вы смели сюда Шкипера положить? Кто распорядился?

– Как кто? Да вы же сами.

– Я? Вы с ума сошли! Я сказала Георгиевского кавалера, а вы...

– Так он же и есть Георгиевский кавалер! – испуганно лепетал санитар.

– Он? Шкипер?

Анна Павловна беспомощно развела руками и вытерла вспотевший лоб.

– Ну, это мы там, потом разберем. Нам тоже симулянтов не надо» [4, с. 37].

Писательница блистательно использует в рассказе «говорящую деталь», и в этом явно просматривается чеховская традиция. Замечательно описание корсета героини, вернее, как он «реагирует» на изменение настроения патронессы. В начале рассказа: «Анна Павловна волновалась. Подведенные спичкой брови сдвинулись трагическими запятыми под взбитой челкой. И корсет скрипел от тяжелых вздохов» [4, с. 34]. Позднее, узнав о присутствии в ее госпитале георгиевского кавалера, «Анна Павловна размякла. Скрипела корсетом тихо и благостно» [4, с. 35]. И в конце рассказа, узнав национальность героя, она «опустилась на стул, закрыла лицо руками и жалобно заскрипела корсетом» [4, с. 38].

Вещи в произведениях Тэффи часто играют сюжетообразующую роль. В рассказе «Два естества» корсет как бы «оживает», он «испытывает» те же чувства, что и главный персонаж рассказа. Можно сказать, что Анна Павловна способна на истинные чувства не более, чем предмет ее туалета. Ее естество постоянно мимикрирует. Ну чем не хамелеон, как у А. П. Чехова? С одной стороны, может показаться, что Тэффи подсмеивается над своими героями, но с другой – явно жалеет, показывая их маленькие радости и горести. Например, изменения в настроениях героини из рассказа «Потаповна» юмористка передает, мастерски используя «стреляющую» деталь. Влюбленная пять лет назад в безбровую солдатскую харю, «еще недавно, глядя на эту фуражку, вдохновлялась Потаповна и рубила котлеты с настоящим темпераментом», а узнав, что у ее теперешнего жениха в прошлом году был ребенок, кухарка стала яростно тереть стол мочалкой, «как бы давая понять, что с поэзией любви на сегодняшний день покончено, и суровый разум вступил в свои права» [6, с. 22]. Вот так женские образы, «высвеченные» художественной деталью, помогают Тэффи показать реальную картину жизни, подлинную ситуацию, в которой ничто человеческое герою не чуждо. Отметим, что

Надежда Александровна с успехом использовала в своих произведениях прием «очеловечивания» предметов женского и мужского гардеробов. При этом вещи изображались способными «испытывать те же чувства», что и их обладатели. Это неизменно вызывало комический эффект у читателя. Мы видим, что «героями» произведений Тэффи могут быть предметы, способные коренным образом повлиять на изменение характера или даже образа жизни своих хозяев. Следуя чеховским традициям, писательница великолепно применяла «вещную» деталь, а та уже выразительно характеризовала поведение, сознание и мысли человека. Надежда Александровна решительно пользовалась деталью-заглавием, тем самым делая ее символической, центральным звеном словесной ткани. Следует признать, что во многих ее юмористических произведениях именно вещи составили существенную грань человеческой реальности, сыграли важную роль не только для создания комичных ситуаций, но и для характеристики персонажей.

Библиографические ссылки

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2007. – 320 с.
2. Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собр. Ф. Ф. Фидлер. – М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 268 с.
3. Тэффи. Ведьма: Рассказы / Тэффи. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с. – (Русская классика XX века).
4. Тэффи. Контрреволюционная буква: Рассказы, фельетоны. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 256 с.
5. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов / Сост. И. Владимиров. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2008. – 480 с.
6. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: Сборники рассказов / Сост. И. Владимиров. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 432 с.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 821. 111

Т. Н. Потницева

г. Днепропетровск

О ПУШКИНЕ, О ЗАЙЦАХ, О СУДЬБЕ...

(ДИПТИХ О ПУШКИНСКОМ ЗАЙЦЕ САШИ ДАГДЕЙЛ)

Розглядається поетичний диптих сучасної англійської поетеси на тему відомого біографічного факту з життя А.С.Пушкіна.

Ключові слова: диптих, поетичне ціле, творча інтерпретація, адекватність.

Рассматривается поэтический диптих современной английской поэтессы на тему известного биографического факта из жизни А.С.Пушкина.

Ключевые слова: диптих, поэтическое целое, творческая интерпретация, адекватность.

The poetic diptych of the modern English poetess on the theme of the famous biographical fact from the life of A. S. Pushkin is investigated.

Key words: diptych, poetic whole, the creative interpretation, adequacy.

Любовь к творчеству и личности А. С. Пушкина в Англии – факт, не требующий особого доказательства. Однако стоит упомянуть об одном из ярких